

ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ФОНЕТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННЫХ ДИАЛЕКТОВ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА (на материале срединных говоров)

Кондратьева Наталья Владимировна,

доктор филологических наук,

директор Института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

(г. Ижевск, РФ), nataljakondratjeva@yandex.ru

Соколова Ольга Леонидовна,

магистрант Института удмуртской филологии,

финно-угроведения и журналистики

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

(г. Ижевск, РФ), olisokolova97@gmail.com

Введение. Статья посвящена динамическим процессам, происходящим в фонетической системе большежужгесского говора удмуртского языка на современном этапе развития.

Материалы и методы. Основным источником исследования послужили материалы записей образцов диалектной речи, собранные авторами статьи в д. Большой Жужгес, Малый Жужгес, Косоово Увинского района Удмуртской Республики от 52 информантов пяти возрастных групп: 10–18, 18–30, 30–50, 50–70 лет и старше 70 лет. В работе использован комплекс методов исследования – «полевых работ» (беседа, прямой опрос, анкетирование, интервьюирование, наблюдение над речевой деятельностью, целевая выборка), описательный (наблюдение, сопоставление, обобщение, интерпретация и классификация исследуемых единиц), сравнительно-сопоставительный и количественно-статистический.

Результаты исследования и их обсуждение. На основе собранного полевого материала было выявлено, что диалектный сдвиг в речи носителей разных возрастных групп характерен прежде всего для таких лингвистических явлений, как аффрикатизация, вставка неэтимологических гласных в основе слова, корреспонденция гласных, ассимиляция гласных основы и аффикса.

Заключение. Лингвистические процессы, протекающие в диалектной системе большежужгесского говора, происходят довольно медленно, и это создает условия для появления в пределах одного говора языковых вариантов в речи представителей различных возрастных групп. Динамические процессы в фонетической системе исследуемого говора продиктованы как интра-, так и экстралингвистическими факторами.

Ключевые слова: удмуртский язык; срединные говоры; большежужгесский говор; фонетическая система; вокализм; консонантизм.

Для цитирования: Кондратьева Н. В., Соколова О. Л. Динамические процессы в фонетической системе современных диалектов удмуртского языка (на материале срединных говоров) // Финно-угорский мир. 2019. Т. 11, № 4. С. 391–402.

Введение

Формирование и стабилизация диалектной системы любого конкретного языка является результатом его длительного исторического развития. Особенность последних десятилетий – активная ассимиляция коренных народов РФ, что приводит к утрате специфических фонетических, морфологических и лексических черт многих диалектов, которая в конечном счете приводит к их нивелированию. С другой стороны, значительные измене-

ния в диалектном языке происходят под воздействием литературного языка.

Согласно современной классификации удмуртских диалектов, в удмуртском языке исследователи выделяют северное, южное, бесермянское наречия и срединные говоры¹. Сегодня во всех указанных диалект-

¹См.: Кельмаков В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. Ижевск, 1998. С. 42.

ных системах наметилась явная тенденция к интралингвистическим изменениям. Учитывая вышесказанное, основной целью данной статьи является описание динамических процессов отдельных диалектных изменений в области фонетики, происходящих в большежужгесском говоре, с учетом возрастных особенностей носителей языка. «Большежужгесским» нами назван говор удмуртов, проживающих в населенных пунктах муниципального образования «Большежужгесское» Увинского района Удмуртской Республики. Исследуемый говор распространен в нижнем течении реки Нылги – правого притока реки Вала, впадающей в реку Кильмезь, и охватывает юго-западную часть Увинского района. В состав указанного муниципального образования входят 3 населенных пункта: д. Большой Жужгес (удм. *жужгэс*), Малый Жужгес (удм. *кэчгурт*), Косоево (удм. *косой*). Общая численность населения муниципального образования на 1 января 2019 г. составляет 687 человек, подавляющее большинство из них – коренные удмурты (490 человек); также проживают русские (110 человек), из которых многие свободно владеют удмуртским языком. Коренное население общается на удмуртском языке, за исключением русскоговорящих жителей, переселившихся в эти населенные пункты из других мест.

Интерес к данному говору продиктован его промежуточным положением: он совмещает в себе признаки северных и южных диалектов, причем в различной степени каждый из них. Помимо этого, в срединных говорах выделяется также ряд особенностей, которые не свойственны ни северному, ни южному наречиям удмуртского языка, но в той или иной степени характерны для всех срединных говоров.

Обзор литературы

В истории развития удмуртской диалектологии принято выделять три этапа: 1) 1858–1928 гг.; 2) 1929–1954 гг.; 3) с 1955 г. по сегодняшний день [17]².

² См. также: Кельмаков В. К. Указ. соч. С. 37–39.

³ См.: Wiedemann F. J. Syrjänisch-deutsches Wörterbuch nebst einem wotjakisch-deutsches im Anhang und einem deutschen Register. Sant-Petersburg, 1880; Idem. Grammatik der syrjänischen Sprache mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakischen. Sant-Petersburg, 1884.

⁴ См. также: Munkácsi B. A wotják nyelv szótára. Budapest, 1896.

Срединные говоры, к которым относится большежужгесский говор, являлись объектом исследования ученых во все этапы развития удмуртской диалектологии. Так, первой теоретической работой, посвященной научному анализу удмуртских диалектов, стала статья Ф. Й. Видемана «Zur Dialektenkunde der wotjakischen Sprache» [33], с которой собственно начинается первый период истории удмуртской диалектологии. Эстонский ученый выделяет и описывает «казанский», «глазовский», «малмыжский», «сарapulьский» и «оренбургский» диалекты. Некоторые данные по фонетике, грамматике и лексике удмуртских диалектов, в том числе срединных говоров, представлены и в других работах ученого³. Исследуемый нами говор здесь включен в малмыжский диалект.

Образцы речи срединных говоров удмуртского языка одним из первых зафиксировал финский ученый Т. Г. Аминофф [28; 29]. С точки зрения исследования срединных говоров особый интерес представляет первая из книг под названием «Votjakilaisia kielinäyteitä» [29, 32–55].

Большой интерес к изучению удмуртских диалектов проявлял известный венгерский ученый Бернат Мункачи, который собрал значительный фольклорно-диалектологический материал, в том числе по срединным говорам удмуртского языка [30]⁴. Говор д. Мадьярово, Юмга-Омга и Большой Чибирь Малмыжского уезда (ныне Селтинского района), представленный в его трудах, согласно современной классификации удмуртских диалектов относится к селтинскому говору, который по языковым особенностям представляет собой один из срединных говоров и имеет аналогичные с большежужгесским говором черты.

Богатый материал по удмуртским диалектам представлен в книгах «Wotjakische Sprachproben» [31; 32] и «Wotjakische

Chrestomathie mit Glossar»⁵ финского исследователя Ю. Вихманна. Тексты по «малмыжскому диалекту», записанные Вихманном в с. Чужьял (ныне Селтинского района), включают в себя 22 произведения удмуртского фольклора – 19 загадок и 3 легенды (сказки). В этих текстах отражаются отдельные лингвистические явления, свойственные и большежужгесскому говору, в частности: 1) избыточное употребление аффрикат в первом слоге слова: *палэзэ* ‘рябина’, *огазэ* ‘в одно место’; 2) выпадение конечного гласного основы инфинитива: *кӧлны* (< *кӧлыны*) ‘ночевать’, *киз’ны* (< *киз’ыны*) ‘сеять’ и др.

Характерной чертой второго периода развития удмуртской диалектологии (1929–1954 гг.) является проведение большого количества фольклорно-диалектологических экспедиций. Так, в 1936 г. четыре отряда лингвистической экспедиции занимались исследованием удмуртских диалектов в восьми районах республики, а также в удмуртских населенных пунктах в Татарстане, Башкортостане, Марий Эл, Кировской и Свердловской областях. Одна из экспедиций под руководством студента Удмуртского пединститута М. Горбушина была направлена на территории распространения срединных говоров (Вавожский, Селтинский районы Удмуртии, Кильмезский район Кировской области). Материалы этой экспедиции хранятся в научно-отраслевом архиве Удмуртского института истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН (д. 223, 224, 225, 226, 344, 345).

Большой интерес с точки зрения фиксации лексики удмуртских диалектов представляет работа Т. К. Борисова «Удмурт кыллюкам»⁶. В предисловии к книге, содержащей некоторые сведения об удмуртском языке, автор дает краткую характеристику удмуртским диалектам. В удмуртском языке он выделяет четыре наречия: северное, южное, срединное, крайне-южное, которые, в свою очередь,

распадаются еще на ряд говоров и подговоров. В срединном наречии (по определению Борисова) вычленяются ижевский и верхне-кильмезский говоры, имеющие определенные различия.

В 1935 г. была опубликована первая диалектологическая карта удмуртского языка, подготовленная С. П. Жуйковым⁷. На карте зафиксированы территории распространения отдельных фонетических явлений удмуртских диалектов. Все удмуртские говоры автор объединяет в три диалекта: северный, срединный, южный. На этой карте в «кильмезском», или среднем, диалекте Жуйков выделяет шесть групп. К первой подгруппе он относит говоры окрестностей Сюмси, Селты, Старые Зятцы, ко второй – говор якур-бодьинских удмуртов. К третьей и четвертой подгруппам – соответственно говоры тыловайских и шарканских удмуртов. В отдельную пятую группу выделены говоры нылгинских, ижевских, малопургинских и завьяловских удмуртов. В шестую группу исследователь включает говоры окрестностей с. Вавож и пос. Ува.

С середины 1950-х гг. в истории удмуртской диалектологии начинается новый этап, который связан с защитой кандидатской диссертации «Тыловайский диалект удмуртского языка» Т. И. Тепляшиной⁸. Как отмечает Кельмаков, эта работа стала одной из первых, где была представлена методика описания диалекта как целостной языковой системы [17, 29].

Как уже отмечалось, срединные говоры распространены на довольно обширной территории – в центральных районах Удмуртской Республики (Селтинский, Сюмсинский, Увинский, Вавожский районы, юго-западная часть Игринского, южная часть Шарканского, Якур-Бодьинский, Завьяловский районы, северная часть Кизнерского, Можгинского и Малопургинского районов), а также в нескольких населенных пунктах Малмыж-

⁵ См.: Wichmann Y. *Wotjakische Chrestomathi mit Glossar*. Helsingfors, 1901.

⁶ См.: Борисов Т. К. *Удмурт кыллюкам: Удмуртско-русский толковый словарь*. Ижевск, 1932.

⁷ См.: Жуйков С. П. *Удмурт АССР-ысь удмуртъэслэзэ интыен-интыен вераськемзэс возматон карта (Диалектологическая карта удмуртского языка)*. Свердловск, 1935.

⁸ См.: Тепляшина Т. И. *Тыловайский диалект удмуртского языка: дис. ... канд. филол. наук*. Москва, 1955.

ского и Вятско-Полянского районов Кировской области⁹. Однако обобщающего труда по срединным говорам удмуртского языка до сих пор не представлено, имеются лишь работы по отдельным говорам / ареалам (например, средне-восточным [5 и др.], прикильмезским [9 и др.] и т. д.). Между тем процесс постепенной утраты диалектной специфики – явление объективное и развивающееся. В связи с этим комплексное обследование и, возможно, более полная фиксация языкового материала срединных говоров являются одними из актуальных вопросов современной удмуртской диалектологии.

Материалы и методы

Основным источником исследования послужили материалы записей образцов диалектной речи, собранные нами в д. Большой Жужгес, Малый Жужгес, Косомино Увинского района Удмуртской Республики от информантов пяти возрастных групп: 10–18, 18–30, 30–50, 50–70 лет и старше 70 лет. В качестве дополнительного источника использовались также образцы речи по исследуемому говору, представленные в книгах Кельмакова «Образцы удмуртской речи: Северное наречие и срединные говоры» [15, 279–282] и «Образцы удмуртской речи 2: Срединные говоры» [16, 224–244].

При решении поставленных задач был задействован комплекс методов: а) сбор материала проводился с помощью методов «полевых работ» (беседа, прямой опрос, анкетирование, интервьюирование, наблюдение над речевой деятельностью, в том числе посредством длительного сосуществования, метод целевой выборки); б) в качестве основного метода в работе над материалом выступает описательный, реализующийся в приемах наблюдения, сопоставления, обобщения, интерпретации и классификации исследуемых единиц; в) сравнительно-сопоставительный и количественно-статистический методы, которые широко применяются как в лингвистических, так и в социолингвистических исследованиях.

⁹ См.: Кельмаков В. К. Указ. соч. С. 43.

¹⁰ Там же. С. 60.

Результаты исследования и их обсуждение

Система вокализма

Состав гласных фонем в удмуртских диалектах варьируется от 6 до 10 единиц¹⁰. Исследуемый нами говор входит в группу удмуртских диалектов, характеризующихся вокалической системой в 7 единиц (таблица).

Таблица. Система гласных большежужгесского говора

Table. Bolshezhuhesky dialect vowel system

Подъем / Rise	Ряд / Row		
	Передний / Front	Средний / Middle	Задний / Back
Верхний / Upper	<i>u</i>	<i>ы</i>	<i>у</i>
Средний / Average	<i>э</i>	<i>ö</i>	<i>о</i>
Нижний / Low		<i>a</i>	

Большежужгесский говор обнаруживает некоторые специфические черты в области вокализма. Рассмотрим основные из них подробнее.

Корреспонденция гласных

В большежужгесском говоре имеется достаточно большое количество слов, звуковой состав которых отличается от других удмуртских диалектов. Из регулярных корреспондентий в описываемом говоре представлены следующие виды (в корреспонденции первым дается вариант большежужгесского говора).

Корреспонденция гласных *ы* // *и*:

а) в исследуемом говоре в небольшом количестве слов в соседстве с последующим велярным согласным или между *жс*, *ш* и последующим палатальным нередко употребляется *ы*, тогда как в северных диалектах в этой же позиции функционирует гласный *и*: бжуж. *гынэ* // сев. *гинэ* ‘только, лишь’; бжуж. *жынгыртэ* // сев. *жингыртэ* ‘звонит; звенит, бренчит’; бжуж. *жыл’ы* // сев. *жил’ы*, *жил’и* ‘цепь’; сч. вч. *ышка* ~ *ычка* // сев. *ишка* ~ *ичка* ‘срывает, дергает’; бжуж. *жыл’дэ* // сев. *жил’дэ* ‘лушит, выбирает поштучно’; бжуж. *шыл’ы* // сев.

шил'ы 'полоска лыка для плетения лаптей' и др. В проявлении данной особенности исследуемый говор обнаруживает сходство с собственно южным и периферийно-южными диалектами, также с бесермянским наречием [21, 38–39; 27, 73]¹¹, в которых широко распространены *ы*-вые формы в указанных словах.

В большежужгесском говоре произношение указанных слов в *ы*-вой огласовке в большей степени свойственно респондентам 50–70 лет и старше 70 лет. В отличие от этого, в речи школьников 10–18 лет и информантов 18–30 лет наблюдается употребление данных лексем с гласной *и*, что обусловлено влиянием литературного языка;

б) в изучаемом говоре в небольшой группе слов в пределах первого слога перед палатальными согласными как рефлекс праудмуртского *й выступает гласный *ы* на месте *и* и говоров южной диалектной зоны: бжуж. *кыз'* // южн. *киз'* 'моча'; бжуж. *быз'ыны* // южн. *биз'ыны* 'выйти замуж; бежать, течь (о реке)'; бжуж. *тыс'* // южн. *тис'* 'зерно; семя'; бжуж. *кын'ыны* // южн. *кин'ыны* 'закрывать, закрывать глаза'; бжуж. *пызэс* // южн. *пид'эс* 'колено'; бжуж. *пыз'* // южн. *пиз'* 'моча'; бжуж. *кыз'ы* ~ *кызы* // южн. *киз'ы* 'как; каким образом'.

По характеру проявления данного явления исследуемый говор имеет сходство с северноудмуртскими диалектами [11, 42] и литературным языком. Произношение указанных лексем в *ы*-вой огласовке характерно для речи всех обследованных нами возрастных групп носителей описываемого говора.

Следует указать, что в большежужгесском говоре в данной позиции зафиксированы единичные случаи употребления гласного *и* на месте ожидаемого *ы*: бжуж. *вил'* // сев. *выл'* 'новый'; бжуж. *пил'ыны* // сев. *пыл'ыны* 'колоть, расколоть'.

По мнению Кельмакова, первичным в данной корреспонденции является *ы*. Изменение *ы* в *и* в отдельных южных диалектах и бесермянском наречии произошло под влиянием соседнего после-

дующего палатального согласного [14, 163; 18, 21].

Корреспонденция гласных *и* // *ы* возникла в результате изменения первичного *ы* перед палатальными согласными в *и* в южной диалектной зоне при сохранении его (*ы*) в северной диалектной зоне. В описываемом говоре переход первичного *ы* в *и* наблюдается в следующих суффиксальных морфемах:

1) суффикс формы настоящего времени 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа от глаголов I спряжения (бжуж. *-ис'к-* // сев. *-ыс'к-*): бжуж. *тод-ис'к-о* // сев. *тод-ыс'к-о* 'знаю'; бжуж. *ум ко-шк-ис'к-э* // сев. *ум ко-шк-ыс'к-э* 'не уходим';

2) показатель возвратного залога от некоторых глаголов I спряжения (бжуж. *-ис'к-* // сев. *-ыс'к-*): южн. *кыл'-ис'к-э* // сев. *кыл'-ыс'к-э* 'раздевается'; бжуж. *вур-ис'к-э* // сев. *вур-ыс'к-э* 'занимается шитьем';

3) суффикс формы 2-го и 3-го лица мн. числа неочевидного прошедшего времени от глаголов I спряжения (бжуж. *-ил'амды* // сев. *-ыл'ам(ды)*; бжуж. *-ил'ам* // сев. *-ыл'ам(зы)*): бжуж. *понил'ам* // сев. *пон-ыл'ам(зы)* 'они, оказывается, положили';

4) показатель причастия настоящего времени от глаголов I спряжения: (бжуж. *-ис'* // сев. *-ыс'*): бжуж. *лыкт-ис'* // сев. *лыкт-ыс'* (точнее: *лыкты-с'*) 'приходящий'; бжуж. *ул-ис'* // сев. *ул-ыс'* (точнее: *улы-с'*) 'живущий'.

Следует указать, что в перечисленных глагольных аффиксах корреспондирующие гласные *ы* и *и* представляют собой конечные гласные основы глаголов I спряжения, которые в северной диалектной зоне и отдельных срединных говорах сохранились без изменения. В отличие от этого, в южных диалектах, в том числе в описываемом нами говоре, этот первичный гласный основы *ы*, удержавшись перед аффиксами с твердым согласным, трансформировался в *и* перед палатальным началом последующих суффиксальных морфем.

Помимо этого, в непервом слоге междиалектная корреспонденция гласных *и* // *ы* отмечается в сочетании *-ий-* // *-ый-* на

¹¹ См. также: Кельмаков В. К. Указ. соч. С. 68.

стыке именного или глагольного корня с финальным *ы* и служебной морфемы с начальным согласным *й*. В северноудмуртских диалектах, как и в бесермянском наречии, конечный гласный двусложной основы *ы* перед согласным *й* суффиксального слога сохраняется, а в южноудмуртских и отчасти срединных говорах [6, 72–73], в частности в большежужгесском говоре, в отмеченной позиции гласный *ы* под ассимилятивным влиянием *й* чаще всего видоизменяется в *и*: бжуж. *чырти-йаз* // сев. *чырты-йаз* ‘на его шее’; бжуж. *узи-йэн* // сев. *узы-йэн* ‘земляничкой’; бжуж. *лымы-йа* // сев. *лымы-йа* ‘идет снег’.

Произношение указанных лексем в *и*-вой огласовке характерно для речи всех обследованных нами возрастных групп носителей описываемого говора.

Выпадение гласного *ы*

Данное лингвистическое явление зафиксировано в следующих случаях:

1) в конце этимологической основы глаголов I спряжения перед суффиксом инфинитива при условии, если в основе глагола не наличествует сочетание согласных перед *ы*: *дышэтны* (< *дышэты-ны*) ‘учить’, *йуны* (< *йуы-ны*) ‘пить’, *мынны* (< *мыны-ны*) ‘идти’, *вайны* (< *вайы-ны*) ‘принести’, *пырны* (< *пыры-ны*) ‘зайти, войти’. Выпадение гласного *ы* широко распространено и в других удмуртских диалектах, в частности в срединных говорах [10, 61; 19, 75–76; 20, 46; 23, 73–90 и др.]¹² и отдельных говорах собственно южного диалекта [1, 9; 2, 201; 3; 7, 12–13]. Единичные случаи синкопы *ы* конца глагольной основы отмечены в кырыкмасских говорах [12];

2) в деепричастиях, образованных от глаголов I спряжения, перед аффиксами *-са*, *-тэк*, *-тоз*: *нуса* (< *нуыса*) ‘неся’, *шутэк* (< *шуытэк*) ‘не сказав’, *вutoз* (< *вуытоз*) ‘доходя’. Явления синкопы гласного *ы* в указанной позиции имеют место и в других срединных говорах [10; 19; 20; 23 и др.], встречаются также

в некоторых южноудмуртских говорах [2, 201; 13, 18; 22, 174–175 и др.];

3) в глаголах I спряжения перед суффиксом *-сал* условного наклонения: (*мон*) *ой вурсал* (< *ой вурьсал*) ‘(я) не сшил бы’, (*тон*) *вайсал* (< *вайысал*) ‘(ты) принес бы’, (*со*) *гырсал* (< *гырысал*) ‘(он) пахал бы’. Выпадение гласного *ы* в данной позиции довольно широко распространено и в других срединных говорах, например: в верхнеижских [25, 201], прикильмезских [8, 61; 20, 46], увинско-вавожских [10, 61; 19, 76], а также в тыловайском [26, 131] и средневосточных [4, 102; 7, 13] говорах. Изредка оно отмечается и в отдельных южноудмуртских диалектах, в частности в среднеюжном [2, 201];

4) в наречиях с суффиксом *-ак* и прилагательных с аффиксом *-эс* и перед сонорным согласным *р*: *котрак* (< *котырак*) ‘кругом, вокруг’, *жотрак* (< *жотырак*) ‘резко, грубо’, *котрэс* (< *котырэс*) ‘круглый’, *гол’трэс* (< *гол’тырэс*) ‘навязчивый, придирчивый’, *жабрэс* (< *жабырэс*) ‘цепкий’.

Указанные случаи выпадения гласного *ы* характерны для всех обследованных нами пяти возрастных групп носителей большежужгесского говора.

Вставка неэтимологических гласных

В большежужгесском говоре, как и в других удмуртских диалектах, наблюдается вставка неэтимологических гласных в заимствованных словах с несвойственным удмуртскому языку стечением согласных в анлауте, инлауте и ауслауте. Данное явление, по нашим наблюдениям, характерно в основном для речи носителей старше 70 лет. Эпентетическими гласными чаще выступают гласные *ы*, *у*, *и*, изредка – *о*, *а*, *э*.

В анлауте для устранения стечения согласных в соседстве с веллярными согласными обычно наблюдается гласный *ы*, в соседстве с палатальными – в основном гласные *и*, *э*. При этом эпентетический гласный может присоединяться к началу слова или появляться внутри консонантного стечения: бжуж. *ышкала* (< рус. *школа*) ‘школа’; бжуж. *ысват* (< рус. *сват*) ‘сват’;

¹² См.: Бушмакин С. К. Фонетические и морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка: дис. ... канд. филол. наук. Ижевск: Москва, 1971. С. 131.

бжуж. *с'эрэда* (< рус. *среда*) 'среда'; бжуж. *ыжбан* (эжбан) (< рус. *жбан*) 'жбан'; бжуж. *бырат* (бьрат) (< рус. *брат*) 'брат'; бжуж. *ис'т'опан* ~ *ис'т'эпан* ~ *ис'т'апан* (< рус. *Степан*) 'Степан'; бжуж. *из'вэр* (< рус. *зверь*) 'зверь'.

Протетический у в начале слова возникает чаще всего перед анлаутным р, не характерным для удмуртского языка: бжуж. *уроман* (< рус. *Роман*) 'Роман'; бжуж. *урумка* (< рус. *рюмка*) 'рюмка'. В начале слова гласный у может появиться внутри консонантного стечения перед сочетанием согласного с последующим гласным у: бжуж. *турупка* (< рус. *трубка*) 'трубка'; бжуж. *пуруд* (< рус. *пруд*) 'пруд'. Протетический о наблюдается перед сочетанием согласного с последующим о, причем нами зафиксирован лишь один пример на данное явление: бжуж. *опторн'ик* (< рус. *вторник*) 'вторник'.

По нашим наблюдениям, вставка гласных в начале слова характерна в основном для речи респондентов старше 70 лет, которые слабо владеют русским языком. В речи других возрастных групп данное явление нами не зафиксировано.

Для устранения сочетания согласных в ауслатной позиции вставочный гласный может присоединяться к конечному сочетанию согласных (в этом случае чаще выступает гласный а) или появляется между консонантным сочетанием (в основном добавляется гласный ы, реже и): бжуж. *л'итыр* ~ *л'итра* (< рус. *литр*) 'литр'; бжуж. *мэтыр* ~ *мэтра* (< рус. *метр*) 'метр'; бжуж. *чэтвэрик* (< рус. *четверг*) 'четверг'; бжуж. *пэтыр* (< рус. *Петр*) 'Петр'; бжуж. *н'эрва* (< рус. *нерв*) 'нерв'.

Как показывают собранные материалы, произношение указанных лексем, кроме словоформы *чэтвэрик*, характерно для речи всех возрастных групп диалектоносителей. Что касается слова *чэтвэрик*, оно зафиксировано нами лишь в речи информантов старше 70 лет.

Явления вставки неэтимологических гласных в той или иной степени свойственны всем диалектам удмуртского языка¹³.

Ассимиляция

В речи диалектоносителей 50–70 лет и старше 70 лет наблюдается ассимиляция гласной основы а имен существительных последующим гласным о суффикса множественного числа -ос: *коркоос* (< *коркаос*) 'дома', *бакчооссы* (< *бакчаоссы*) 'их огороды', *кн'игоосмы* (< *кн'игаосмы*) 'наши книги', *контороос* (< *контораос*) 'канторы', *анноос* (< *аннаос*) 'Анна и ее семья'.

Нередко в дальнейшем происходит стяжение двух одинаковых гласных, в результате чего возникают формы типа *коркос* (< *коркоос* < *коркаос*) 'дома', *бакчоссы* (< *бакчооссы* < *бакчаоссы*) 'их огороды', *кн'игосмы* (< *кн'игоосмы* < *кн'игаосмы*) 'наши книги', *конторос* (< *контороос* < *контораос*) 'канторы' и др.

В речи респондентов младше 50 лет указанное лингвистическое явление не наблюдается, что обусловлено, по видимому, влиянием удмуртского литературного языка.

Система консонантизма

Консонантная система большежужгеского говора представлена 30 фонемами: б, в, г, д, д', ж, ж', з, з', э, й, к, л, л', м, н, н', п, р, с, с', т, т', ф, х, ц, ч, ч', ш, щ.

Заемствованные согласные ф, х, ц, щ

Согласные ф, х, ц, щ в основном наблюдаются в русских заимствованных словах. В настоящее время в речи носителей описываемого говора дистрибутивная нагрузка данных фонем увеличивается, но сфера их употребления ограничивается в основном новейшими заимствованиями.

В речи информантов старше 70 лет фонема щ чаще всего заменяется на ш: бжуж. *плаш* (< рус. *плащ*) 'плащ'; бжуж. *шотка* (< рус. *щетка*) 'щетка'. В речи респондентов более молодых возрастных групп указанная фонема выступает без изменения, т. е. отмечается явление прямого заимствования: бжуж. *йащцик* (< рус. *ящик*) 'ящик'; бжуж. *плащ* (< рус. *плащ*) 'плащ'; бжуж. *щотка* (< рус. *щетка*) 'щетка'. Что касается остальных русских заимствованных фонем ф, х, ц, то они присутствуют

¹³ См.: Кельмаков В. К. Указ. соч. С. 63–64.

в современной речи каждой из возрастных групп информантов: *фонар* (< рус. *фонарь*) ‘фонарь’, *фэд’а* (< рус. *Федя*) ‘Федя’, *холод’и-л’н’ик* (< рус. *холодильник*) ‘холодильник’, *хи-трой* (< рус. *хитрый*) ‘хитрый’, *пэ-рэц* (< рус. *перец*) ‘перец’.

Аффрикатизация

Как традиционно отмечается в трудах по диалектологии, одним из основных различий в звуковом составе срединных говоров, в том числе и большежужгесского говора, является избыточное употребление аффрикат *č*, *ž* и *ž* в инлаутной и аусллаутной позиции вместо щелевых *ш*, *ж* и *з* северных и южных диалектов и литературного языка, например: бжуж. *вачкала* // сев. *вашкала* ~ *уашкала*, южн. *вашкала* ‘древний, старинный’; бжуж. *чу́чкон* // сев., южн. *чушкон* ‘полотенце’; бжуж. *кõžсы* // сев., южн. *кõжсы* ‘горох’; бжуж. *жõжсон* // сев., южн. *жõжсон* ‘толокно’; бжуж. *выжс* // сев., южн. *выжс* ‘мост’; бжуж. *кызы* // сев., южн. *кыз’ы* ‘как, каким образом’; бжуж. *вазэн* // сев., южн. *ваз’эн* ‘раньше, прежде’; бжуж. *эмэз* // сев., южн. *эмэз* ‘малина’; бжуж. *луз* // сев., южн. *луз* ‘овод’ и др.

Широкое распространение аффрикат в указанных позициях отмечено и в других срединных говорах, в частности верхнеижских [25, 201–202], средневожских [5, 14], прикильмезских¹⁴, увинско-вавожской группе говоров [24, 107–117].

Следует указать, что речь лиц 60–70 лет и старше 70 лет более насыщена аффрикатами, чем речь носителей языка 30–50 лет.

Как показывают наши полевые наблюдения, в речи коренных жителей 30–50 лет отмечается параллельное функционирование форм как с аффрикатой, так и с щелевым согласным: *чу́чкон* ~ *чушкон* ‘полотенце’, *пу́чкын* ~ *пушкын* ‘внутри’, *тазы* ~ *таз’ы* ‘так, таким образом’, *кызы* ~ *кыз’* ‘моча’, *жсу́жыт* ~ *жсужыт* ‘высокий’, *кырыжс* ~ *кырыжс* ‘кривой, косой’, *выжс* ~ *выжс* ‘пол; мост’.

Что касается информантов 10–18 лет, то употребление аффрикат в их речи прак-

тически совпадает с удмуртским литературным языком: *žаз’эг* ‘гусь’, *лобзыны* ‘взлететь’, *жамдэлы* ‘ненадолго’, *чушыны* ‘стереть’, *сычэ* ‘такой’ и др. Таким образом, на современном этапе в описываемом говоре прослеживается явная тенденция к дезаффрикатизации в ин- и аусллаутной позициях.

Ассимиляция

В большежужгесском говоре наиболее широко распространены следующие виды ассимиляции:

1) уподобление *т*, *д* последующему согласному *к*: бжуж. *чырккэм* (лит. *чырткэм*) ‘здоровый, бодрый, жизнерадостный’; бжуж. *курккыны* (лит. *курткыны*) ‘встряхнуть, вытрясти’; бжуж. *чорккыны* (лит. *чорткыны*) ‘проситься’; бжуж. *ворккыны* (лит. *вордкыны*) ‘родиться’; бжуж. *бэрыккыны* (лит. *берыткыны*). Эта особенность в основном характерна для речи информантов 30–50, 60–70 лет и старше 70 лет. В речи носителей возрастной группы 10–18 лет отмечается употребление форм, совпадающих с литературным языком. Явление ассимиляции предшествующего согласного последующему *к* в указанной группе слов отмечается исследователями в верхнеижских [25, 206] говорах и увинско-вавожской группе срединных говоров [24, 123];

2) явление регрессивной ассимиляции обнаруживается в глагольных формах со звукосочетанием *тч*: согласный *т* под влиянием мягкой аффрикаты *ч* смягчается и ассимилируется последнему, образуя двойной *ч*, т. е. в данном случае произношение совпадает с литературным вариантом: бжуж. *тэчча* (сравните: лит. *тэтча* [тэчча]) ‘прыгает, скачет’; бжуж. *кучча* (лит. *кутча* [кучча]) ‘обувает’. Данная фонетическая особенность присутствует в речи респондентов каждой из возрастных групп информантов описываемого говора;

3) ассимиляция по палатальности в прогрессивном направлении отмечается в немногочисленных словах русского происхождения: бжуж. *варэн’н’а* (< рус. *варенье*) ‘варенье’; бжуж. *малан’н’а* (< рус. *Маланья*); *пэчэн’н’а* (< рус. *печенье*) ‘пе-

¹⁴См.: Загуляева Б. Ш. Прикильмезские говоры удмуртского языка: дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1980. С. 8–9.

ченье'. Указанное явление ассимиляции сохраняется в речи всех возрастных групп носителей большежужгесского говора.

Заключение

Специфические черты большежужгесского говора сохраняются в разной степени среди носителей различных возрастных групп. Наиболее ярким примером здесь является функционирование аффрикат в речи: для речи респондентов старше 50 лет характерно избыточное употребление аффрикат; возрастная группа 30–50 лет в словарных формах использует как аффрикаты, так и соответствующие им шелевые согласные; у информантов 10–18 лет употребление аффрикат в речи практически совпадает с удмуртским литературным языком.

Как показывает проведенное исследование, лингвистические процессы, про-

текающие в диалектной системе большежужгесского говора, происходят довольно медленно, и это создает условия для появления в пределах одного говора языковых вариантов в речи представителей различных возрастных групп. Изучение живых процессов диалектной речи и самого механизма изменения диалектной системы на разных уровнях является одной из актуальных задач современного удмуртского языкознания.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

<i>БЖуж.</i>	– д. Большой Жужгес (удм. <i>Жужгес</i>) Увинского района
<i>бжуж.</i>	– большежужгесский говор
<i>Кос.</i>	– д. Косоєво (удм. <i>Косой</i>) Увинского района
<i>МЖуж.</i>	– д. Малый Жужгес (удм. <i>Кэчурт</i>) Увинского района
<i>сев.</i>	– севернудмуртские диалекты
<i>сч.</i>	– среднечепецкие говоры
<i>вч.</i>	– верхнечепецкие говоры
<i>южн.</i>	– южнудмуртские говоры
<i>лит.</i>	– удмуртский литературный язык

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Архипов Г. А. Морфологические особенности среднеюжного диалекта удмуртского языка I // О диалектах и говорах южнудмуртского наречия: сб. ст. и материалов / НИИ при Совете Министров Удмурт. АССР. Ижевск, 1978. С. 3–46.
2. Архипов Г. А. Некоторые вопросы фонетики среднеюжного диалекта удмуртского языка // Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту, 1962. Вып. 117, № 1. С. 189–206.
3. Атаманов М. Г. Граховские говоры южнудмуртского наречия // Материалы по удмуртской диалектологии: образцы речи / НИИ при Совете Министров Удмурт. АССР. Ижевск, 1981. С. 45–96.
4. Бушмакин С. К. Выпадение и вставка звуков в диалектах удмуртского языка // Советское финноугроведение. [Таллинн]. 1970. № 2. С. 101–111.
5. Бушмакин С. К. Фонетические и морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1971. 28 с.
6. Воронцов П. И. Явления выпадения (синкопы) фонемы *ы* в удмуртском языке // IV симпозиум по пермской филологии, посвящ. 100-летию А. С. Сидорова. Сыктывкар, 1992. С. 15–18.
7. Воронцов П. И. Явления выпадения фонемы *ы* в удмуртских диалектах // Пермистика 4: Пермские языки и их диалекты в синхронии и диахронии: сб. ст. / Удмурт. гос. ун-т. Ижевск, 1997. С. 7–22.
8. Загуляева Б. Ш. Некоторые черты глагольных форм прикильмезских говоров // О диалектах и говорах южнудмуртского наречия: сб. ст. и материалов. Ижевск, 1978. С. 59–64.
9. Загуляева Б. Ш. Прикильмезские говоры удмуртского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1980. 16 с.
10. Зверева Л. Е. Говоры удмуртов Вавожского и Увинского районов // Образцы речи удмуртского языка. Ижевск, 1982. С. 60–72.
11. Карпова Л. Л. Среднечепецкий диалект удмуртского языка: Образцы речи / РАН, УрО, Удмурт. ин-т ИЯЛ. Ижевск, 2005. 581 с.
12. Кельмаков В. К. Краткая характеристика кырымасских говоров южнудмуртского наречия. I // Вопросы удмуртской диалектологии: сб. ст. и материалов / НИИ при Совете Министров Удмурт. АССР. Ижевск, 1977. С. 26–61.
13. Кельмаков В. К. Кукморский диалект удмуртского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1970. 24 с.
14. Кельмаков В. К. О взаимосвязях фонем *ы* и *и* в удмуртских диалектах // Кельмаков В. К. Проблемы современной удмуртской диалектологии в исследованиях и материалах (= Удмурт вераськетьёс 1). Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 1992. С. 158–168.

15. Кельмаков В. К. Образцы удмуртской речи: Северное наречие и срединные говоры. Ижевск: Удмуртия, 1981. 299 с.
16. Кельмаков В. К. Образцы удмуртской речи 2: Срединные говоры / АН СССР. УрО. Удмурт. ин-т ИЯЛ; Удмурт. гос. ун-т. Ижевск, 1990. 368 с.
17. Кельмаков В. К. Современная удмуртская диалектология: Этапы формирования, некоторые итоги и задачи // Кельмаков В. К. Проблемы современной удмуртской диалектологии в исследованиях и материалах. Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 1992. С. 25–33.
18. Кельмаков В. К. Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов: науч. докл., представ. в качестве дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 1993. 57 с.
19. Кириллова Л. Е. Микротопонимия бассейна Вали (в типологическом освещении) / Удмурт. ин-т ИЯЛ УрО РАН. Ижевск, 1992. 320 с.
20. Кириллова Л. Е. Микротопонимия бассейна Кильмези / Удмурт. ин-т ИЯЛ УрО РАН. Ижевск, 2002. 571 с.
21. Люкина Н. М. Фонетико-морфологические особенности языка лекминских и юндинских бесермян. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2016. 200 с.
22. Насибуллин Р. Ш. Диалекты Закамья и Урала I // Материалы по удмуртской диалектологии: образцы речи / НИИ при Совете Министров Удмурт. АССР. Ижевск, 1981. С. 149–180.
23. Перевозчикова Т. Г. Нижненьлгинские говоры // Образцы речи удмуртского языка. Ижевск, 1982. С. 73–90.
24. Тараканов И. В. Из наблюдений над особенностями среднезападных говоров срединного диалекта удмуртского языка // Тараканов И. В. Исследования и размышления об удмуртском языке: сб. ст. Ижевск: Удмуртия, 1998. С. 200–204.
25. Тепляшина Т. И. Заметки по верхнеижским удмуртским говорам // Вопросы удмуртского языкознания: сб. ст. и материалов / Удмурт. НИИ истории, экономики, лит. и яз. при Совете Министров Удмурт. АССР. Ижевск, 1973. Вып. 2. С. 196–223.
26. Тепляшина Т. И. Фонетическая характеристика тыловайского говора // Записки / Удмурт. НИИ ист., лит. и языка при Совете Министров Удмурт. АССР. Ижевск, 1957. Вып. 18. С. 114–140.
27. Тепляшина Т. И. Язык бесермян Москва: Наука, 1970. 288 с.
28. Aminoff T. G. Votjakin äänne- ja muoto-opin luonnos // JSFOu. [Helsinki]. 1896. 2 (XIV). P. 1–48.
29. Aminoff T. G. Votjakilaisia kielinäytteitä // JSFOu. [Helsinki]. 1886. 1. S. 32–55.
30. Munkácsi B. Votják népköltészeti hagyományok. Budapest, 1887. 335 l.
31. Wichmann Y. Wotjakische Sprachproben. Helsingfors, 1893. I: Lieder, Gebete und Zaubersprüche. XX + 200 S.
32. Wichmann Y. Wotjakische Sprachproben. Helsingfors, 1901. II: Sprichwörter, Rätsel, Märchen, Sagen und Erzählungen. IV + 200 S.
33. Wiedemann F. J. Zur Dialektenkunde der wotjakischen Sprache // Bulletin de la Classe des Sciences Historiques, Philologiques et Politiques de l' Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg. 1858. S. 240–256.

Поступила 19.10.2019, опубликована 23.03.2020

DYNAMIC PROCESSES IN THE PHONETIC SYSTEM OF PRESENT-DAY DIALECTS OF THE UDMURT LANGUAGE

(on the material of central dialects)

Natalia V. Kondratieva,

*Doctor of Philology, Director of Institute of Udmurt Philology,
Finno-Ugric Studies and Journalism,
Udmurt State University
(Izhevsk, Russia), nataljakondratjeva@yandex.ru*

Olga L. Sokolova,

*Post-graduate student Institute of Udmurt Philology,
Finno-Ugric Studies and Journalism,
Udmurt State University
(Izhevsk, Russia), olisokolova97@gmail.com*

Introduction. The article deals with the dynamic processes in the phonetic system of Bol'shoi Zhuzhges dialect of Udmurt in its present state.

Materials and methods. The main source of the research is the audio materials recorded by the authors of the paper in the villages Bol'shoi Zhuzhges, Malyi Zhuzhges and Kosoevo of Uva district of the Udmurt Republic from 52 informants in five age groups: 10–18, 18–30, 30–50, 50–70 and over 70 year old. The article employs a complex of methods is used to conduct the research: data collecting "field work" (conversation, direct questions, questionnaires, interviews, observation of speech activities, target selection); the descriptive method (observation, data comparing, generalization as well as interpretation and classification of the materials); c) comparative-historical and qualitative-statistic.

Research and Discussion. The analysis of the field materials reveals that the shift in the use of dialects in the speech of people of different age groups primarily includes the following linguistic phenomena: the use of affricates, adding non-etymological sounds in the end of words, vowel correspondence, assimilation of sounds in word stems and affixes.

Conclusion. The linguistic processes occurring in the Bol'shoi Zhuzhges develop slowly, which creates a situation when different language variants are revealed in the speech of different age groups within the same dialect. Dynamic processes in the phonetic system of the dialect are determined by intra- and extralinguistic factors.

Key words: the Udmurt language; central dialects; Bol'shoi Zhuzhges dialect; phonetic system; vowels; consonants.

For citation: Kondratieva NV, Sokolova OL. Dynamic processes in the phonetic system of present-day dialects of Udmurt (on the material of central dialects). *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2019; 11; 4: 391–402. (In Russian)

REFERENCES

1. Arkhipov GA. Morphological features of the middle southern dialect of Udmurt I. *O dialektakh i govorakh iuzhnoudmurtuskogo narechiia: sb. st. i materialov* = On southern dialects and subdialects of Udmurt. Collection of articles and materials. Izhevsk; 1978: 3–46. (In Russian)
2. Arkhipov GA. Some questions of the phonetics of the middle southern dialect of Udmurt. *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta* = Studies of Tartu State University. Tartu; 1962; 117; 1: 189–206. (In Russian)
3. Atamanov MG. Grakhovo subdialects of southern Udmurt dialect. *Materialy po udmurtskoi dialektologii: obraztsy rechi* = Materials on Udmurt dialectology: speech patterns. Izhevsk; 1981: 45–96. (In Russian)
4. Bushmakina SK. Elision and adding sounds in the dialects of Udmurt. *Sovetskoe finno-ugrovedenie* = Soviet Finno-Ugric Studies. 1970; 2: 101–111. (In Russian)
5. Bushmakina SK. Phonetic and morphologic features of middle eastern dialects of Udmurt. Abstract of dis. ... Cand. of Philol. Sci. Tartu; 1971. (In Russian)
6. Vorontsov PI. Phenomena of phoneme syncope in Udmurt. *IV simpozium po permskoi filologii, posviashch. 100-letiiu A. S. Sidorova* = 4th Symposium on Permic philology in memory of 100th anniversary of A. S. Sidorov. Syktyvkar; 1992: 15–18. (In Russian)
7. Vorontsov PI. Phenomena of syncope of the phoneme 'y' in dialects of Udmurt. *Permistiika 4: Permskie iazyki i ikh dialekty v sinkhro-*

- nii i diakhronii: sb. st.* = Permstika 4: Permian languages and their dialect in synchrony and diachrony. Collection of articles. Izhevsk; 1997: 7–22. (In Russian).
8. Zaguliaeva BSh. Some features of verb forms in Kilmezs dialects. *O dialektakh i govorakh iuzhnomudmurtского narechiia: sb. st. i materialov* = On southern Udmurt dialects. Collection of articles and materials. Izhevsk; 1978: 59–64.
  9. Zaguliaeva BSh. Kilmezs dialects of Udmurt. Abstract of dis. ... Cand. of Philol. Sci. Tartu; 1980. (In Russian)
  10. Zvereva LE. Udmurt dialects of Vavozh and Uva districts. *Obraztsy rechi udmurtskogo iazyka* = Patterns of speech of Udmurt. Izhevsk; 1982: 60–72. (In Russian)
  11. Karpova LL. Middle Cheptsas dialect of Udmurt: speech patterns. Izhevsk; 2005. (In Russian)
  12. Kel'makov VK. Brief characteristics of kyrykmassky subdialects of southern dialect of Udmurt. I. *Voprosy udmurtskoj dialektologii: sb. st. i materialov* = Problems of Udmurt dialectology. Collection of articles and materials. Izhevsk; 1977: 26–61. (In Russian)
  13. Kel'makov VK. Kukmor dialect of Udmurt. Abstract of dis. ... Cand. of Philol. Sci. Moskva; 1970. (In Russian)
  14. Kel'makov VK. On interactions of phonemes 'y' and 'i' in Udmurt dialects. *Kel'makov V. K. Problemy sovremennoj udmurtskoj dialektologii v issledovaniiah i materialakh* (= *Udmurt veras'ket'jos I*) = Kel'makov V. K. Problems of modern Udmurt dialectology in research and materials. Izhevsk; 1992: 158–168. (In Russian).
  15. Kel'makov VK. Patterns of Udmurt speech: northern dialect and central dialects. Izhevsk; 1981. (In Russian).
  16. Kel'makov VK. Patterns of Udmurt speech 2: central dialects. Izhevsk; 1990. (In Russian).
  17. Kel'makov VK. Modern Udmurt dialectology: stages of development, outcomes and objectives. *Kel'makov V. K. Problemy sovremennoj udmurtskoj dialektologii v issledovaniiah i materialakh* = Kel'makov V. K. Problems of modern Udmurt dialectology in research and materials. Izhevsk; 1992: 25–33. (In Russian).
  18. Kel'makov VK. Formation and development of phonetics of Udmurt dialects. Sci. paper presented as a Doctoral Thesis. Moskva; 1993. (In Russian).
  19. Kirillova LE. Microtoponymy of the Vala river basin (in typological light). Izhevsk; 1992. (In Russian)
  20. Kirillova LE. Microtoponymy of the Kil'mez' river basin. Izhevsk; 2002. (In Russian)
  21. Liukina NM. Phonetic and morphologic features of the language of Iunda Besermians. Izhevsk; 2016. (In Russian)
  22. Nasibullin RSh. Dialects of Zakam'ie and Ural I. *Materialy po udmurtskoj dialektologii: obraztsy rechi* = Materials on Udmurt dialectology: speech patterns. Izhevsk; 1981: 149–180. (In Russian).
  23. Perevozchikova TG. Dialects of Nizhnaya Nylga. *Obraztsy rechi udmurtskogo iazyka* = Speech patterns of Udmurt. Izhevsk; 1982: 73–90. (In Russian)
  24. Tarakanov IV. From observations over middle western dialects of central group of Udmurt dialects. *Tarakanov I. V. Issledovaniia i razmyshleniia ob udmurtskom iazyke: sb. st.* = Tarakanov I. V. Research and reflection on the Udmurt language. Collection of articles. Izhevsk; 1998: 200–204. (In Russian)
  25. Tepliashina TI. Notes on Upper-Izh Udmurt dialects. *Voprosy udmurtskogo iazykoznanii: sb. st. i materialov* = Issues of Udmurt linguistics. Collection of articles and materials. Izhevsk; 1973: 196–223. (In Russian)
  26. Tepliashina TI. Phonetic characteristics of Tylovai dialect. *Zapiski* = Notes. Izhevsk; 1957; 18: 114–140. (In Russian)
  27. Tepliashina TI. The language of Besermians. Moskva; 1970. (In Russian)
  28. Aminoff TG. Votjakin äänne- ja muoto-opin luonnos. *JSFOu*. 1896: 1–48. (In Finnish)
  29. Aminoff TG. Votjakilaisia kielinäytteitä. *JSFOu*. 1886: 32–55. (In Finnish)
  30. Munkácsi B. Votják népköltészeti hagyományok. Budapest; 1887. (In Hungarian)
  31. Wichmann Y. Wotjakische Sprachproben. I: Lieder, Gebete und Zaubersprüche. Helsingfors, 1893. (In German)
  32. Wichmann Y. Wotjakische Sprachproben. II: Sprichwörter, Rätsel, Märchen, Sagen und Erzählungen. Helsingfors; 1901. (In German)
  33. Wiedemann FJ. Zur Dialektenkunde der wotjakischen Sprache. *Bulletin de la Classe des Sciences Historiques, Philologiques et Politiques de l'Académie Impériale des Sciences de Péterbourg*. Sankt-Petersburg; 1858: 240–256. (In German)

Submitted 19.10.2019, published 23.03.2020